

Салтыков-Щедрин — Urbanculture

Литература
IRL Люди
Политика

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (Двойная фамилия взялась из его никнейма аля «Николай Щедрин»; 1826-1889) — расcейский графоман, журналист (редактировал «[Отечественные записки](#)»), вице-губернатор (Это помогать правителю губернии в делах политических, если что) в Рязани и Твери. Прославился графоманией в таких жанрах как Сатира и Реализм. Напейсал/Настроичил/Начирикал/Награфоманил/нужное подчеркнуть овер 50 книжных очерков, сказов, романов, повестей и 2 пьесы в придачу. Нежно любим западниками, ибо толсто троллил [депетризацию](#) РИ в своё время. Является предметом отдельной спецолимпиады среди исследователей его творчества, как Капитан Очевидность говорит нам. Ещё совки не остались в стороне, ибо при Кобе было выпущено десяток марок со сабжем. Но обо всем по порядку.

Ошибка создания миниатюры:
Ва истену графоман.

Старинное дворянство

Сабжу очень повезло родиться в такой старинном дворянстве РИ как Салтыковы. Михаил Евграфович Салтыков родился 15 (27) января 1826 года в имении родителей в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии (Ибо расcейская ымперия же!). Был шестым ребёнком потомственного дворянина и коллежского советника Евграфа Васильевича Салтыкова (1776—1851). Мать пейзаля, Ольга Михайловна Забелина (1801—1874), была дочерью московского купца Михаила Петровича Забелина (1765—1849) и Марфы Ивановны (1770—1814). Хотя в примечании к «Пошехонской старине» Салтыков просил не смешивать его с личностью Никанора Затрапезного, от имени которого ведётся рассказ, но полнейшее сходство многого из сообщаемого о Затрапезном с несомненными фактами жизни Михаила Салтыкова позволяет предполагать, что «Пошехонская старина» имеет отчасти автобиографический характер.

Ошибка создания миниатюры:
В 20 я тоже был бородат.

Первым учителем М. Е. Салтыкова был [крепостной человек](#) его родителей, живописец [Павел Соколов](#); потом с ним занимались [старшая сестра](#), священник соседнего села, гувернантка и студент [Московской духовной академии](#). Десяти лет от роду он поступил в Московский дворянский институт, а два года спустя был переведён, как один из лучших учеников, [казённокоштным](#) воспитанником (читай: на бюджет) в Царскосельский лицей. Именно там он и начал свою деятельность графомании [величия](#).

В 1844 году окончил лицей по второму разряду (то есть с чином X класса, зацените - карьерный рост), 17 из 22 учеников были исключены, так как поведение их аттестовалось не более как «довольно хорошим»: к обычным школьным проступкам (грубость, курение, небрежность в одежде) у Щедрина присоединялось «писание стихов» «неодобрительного» содержания. В лицее под влиянием свежих ещё тогда Пушкинских преданий каждый курс имел своего поэта; на XIII курсе эту роль играл Салтыков. Несколько его стихотворений было помещено в «[Библиотеке для чтения](#)» 1841 и 1842 годов, когда он был ещё лицеистом; другие, напечатанные в «Современнике» (ред. Плетнёва) в 1844 и 1845 годах, написаны им также ещё в лицее; все эти стихотворения перепечатаны в «Материалах для биографии М. Е. Салтыкова», приложенных к полному собранию его сочинений. До-до-до, дорогой анон, в 18 лет сабж уже пришёл к успеху! [А ты осилил это в свои 18 лет?](#)

Начало пейсоты

Ни одно из стихотворений Михаила Салтыкова (отчасти переводных, отчасти оригинальных) не носит на себе следов таланта; позднейшие по времени даже уступают более ранним. М. Е. Салтыков скоро понял, что у него нет призвания к поэзии, перестал писать [стихи](#) и [не любил](#), когда ему о них напоминали. Однако в этих ученических упражнениях чувствуется искреннее настроение, большей частью [грустное](#), меланхоличное (в тот период у знакомых Салтыков слыл под именем «мрачного лицеиста»). Не смотря на свой успех в карьере, пейзаляствовать он ещё не умел. Но сабж быстро понял, что надо [что-то сделать](#), чтобы нормально пейзаляствовать начать.

В августе 1845 года Михаил Салтыков был зачислен на службу в канцелярию военного министра и только

через два года получил там первое штатное место — помощника секретаря. Литература уже тогда занимала его гораздо больше, чем служба: он не только много читал, увлекаясь в особенности **Жорж Санд** и французскими **социалистами** (блестящая картина этого увлечения нарисована им тридцать лет спустя в четвёртой главе сборника «За рубежом»), но и писал — сначала небольшие библиографические заметки (в «Отечественных записках» 1847), потом повести «Противоречия» (там же, ноябрь 1847) и «Запутанное дело» (март 1848).

Уже в библиографических заметках, несмотря на маловажность книг, по поводу которых они написаны, проглядывает образ мыслей автора — его отвращение к **рутине**, к **прописной морали**, к **крепостному праву**; местами попадаются и блёстки **насмешливого юмора**. Славянофилы негодуэ.

Ошибка создания миниатюры:

В первой повести М. Е. Салтыкова, «Противоречия», которую он никогда впоследствии не перепечатывал, звучит, сдавленно и глухо, та самая тема, на которую были написаны ранние романы Ж. Санд: признание прав жизни и страсти. Герой повести, Нагибин — человек, **обессиленный тепличным воспитанием и беззащитный против влияний среды**, против «мелочей жизни». Страх перед этими мелочами и тогда, и позже (например, в «Дороге» в «Губернских очерках») был знаком, по-видимому, и самому Салтыкову — но у него это был тот страх, который служит источником **борьбы**, а не уныния. В Нагибине отразился, таким образом, только **один небольшой уголок внутренней жизни автора**. Другое действующее лицо романа — «женщина-кулак», Крошина — напоминает Анну Павловну Затрапезную из «Пошехонской старины», то есть навеяно, вероятно, семейными воспоминаниями Михаила Салтыкова.

Гораздо крупнее «Запутанное дело» (перепечатано в «Невинных рассказах»), написанное под сильным влиянием **«Шинели»**, может быть, и «Бедных людей», но заключающее в себе несколько замечательных страниц (например, изображение пирамиды из человеческих тел, которая снится Мичулину). «Россия, — так размышляет герой повести, — государство обширное, обильное и богатое; да человек-то **глуп**, мрёт себе с голоду в обильном государстве». «Жизнь — **лотерея**», подсказывает ему привычный взгляд, завещанный ему отцом; «оно так, — отвечает какой-то недоброжелательный голос, — но почему же она лотерея, почему ж бы не быть ей просто жизнью?» Несколькими месяцами раньше такие рассуждения остались бы, может быть, незамеченными — но «Запутанное дело» появилось в свет как раз тогда, когда Февральская революция во Франции отразилась в России учреждением так называемого Бутурлинского комитета (по имени его председателя Д. П. Бутурлина), облечённого особыми полномочиями для обуздания печати.

А это в эпоху **ревизионизма**.

Вслед за возвращением Салтыкова из ссылки возобновилась, с большим блеском, его литературная деятельность. Имя надворного советника Щедрина, которым были подписаны появлявшиеся в «Русском вестнике» с 1856 года «Губернские очерки», сразу стало одним из самых любимых и популярных.

Собранные в одно целое, «Губернские очерки» в 1857 году выдержали три издания (впоследствии — ещё множество). Они положили начало целой литературе, получившей название «обличительной», но сами принадлежали к ней только отчасти. Внешняя сторона мира кляуз, взятки, всяческих злоупотреблений наполняет всецело лишь некоторые из очерков; на первый план выдвигается **психология чиновничьего быта**, выступают такие крупные фигуры, как Порфирий Петрович, как «озорник», первообраз «помпадуров», или «надорванный», первообраз «ташкентцев», как Перегоренский, с неукротимым **ябедничеством** которого должно считаться даже административное полномочие.

Юмор, как и у Гоголя, чередуется в «Губернских очерках» с лиризмом; такие страницы, как обращение к провинции (в «Скуке»), производят до сих пор глубокое впечатление. Чем были «Губернские очерки» для русского общества, только что пробудившегося к новой жизни и с радостным удивлением следившего за первыми проблесками свободного слова, — это легко себе представить. Обстоятельствами тогдашнего времени объясняется и то, что автор «Губернских очерков» мог не только оставаться на службе, но и получать более ответственные должности.

В марте 1858 года Михаил Салтыков был назначен рязанским вице-губернатором, в апреле 1860 года переведён на ту же должность в Тверь. Пейсательствует он в это время **очень много**, сначала в разных журналах (кроме «Русского вестника» — в «Атенее», «Современнике», «Библиотеке для чтения», «Московском вестнике»), но с 1860 года — почти исключительно в «Современнике» (в 1861 году Салтыков поместил несколько небольших статей в «Московских ведомостях» (ред. В. Ф. Корша), в 1862 году — несколько сцен и рассказов в журнале «Время»). Из написанного им между 1858 и 1862 годами составились два сборника — «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе»; и тот, и другой изданы отдельно три раза (1863, 1881, 1885).

В картинах провинциальной жизни, которые М. Е. Салтыков теперь рисует, Крутогорск (то есть Вятка) скоро уступает Глупову, представляющему собою не какой-нибудь определённый, а **типичный русский город** — тот город, «историю» которого, понимаемого в ещё более широком смысле, несколькими годами позже написал Михаил Салтыков. Ага, та самая «История одного города».

Здесь видны как последние вспышки отживающего крепостного строя («Госпожа Падейкова», «Наш

дружеский хлам», «Наш губернский день»), так и очерки так называемого «возрождения», в Глупове не идущего дальше попыток сохранить в новых формах старое содержание. [Староглуповец](#) «представлялся милым уже потому, что был не ужасно, а смешно отвратителен; [новоглуповец](#) продолжает быть отвратительным — и в то же время утратил способность быть милым» («Наши глуповские дела»).

В настоящем и будущем Глупова усматривается один [когнитивный диссонанс](#): «идти вперёд — трудно, идти назад — невозможно». Только в самом конце этюдов о Глупове проглядывает нечто похожее на луч надежды: М. Е. Салтыков выражает уверенность, что «новоглуповец будет [последним из глуповцев](#)». В феврале 1862 года Салтыков в первый раз вышел в отставку в чине статского советника. Он хотел поселиться в Москве и основать там двухнедельный журнал; когда ему это [не удалось](#), он переехал в Петербург и с начала 1863 года стал фактически одним из редакторов «Современника». В течение двух лет он помещает в нём [беллетристические произведения, общественные и театральные хроники, московские письма, рецензии на книги, полемические заметки, публицистические статьи](#). (Обзор содержания статей, помещённых Михаилом Салтыковым в «Современник» 1863 и 1864, см. в книге А. Н. Пыпина «М. Е. Салтыков» (СПб., 1899)).

К этому же приблизительно времени относятся и замечания М. Е. Салтыкова на проект устава о книгопечатании, составленный комиссией под председательством князя Д. А. Оболенского. Главный недостаток проекта Салтыков видит в том, что он ограничивается заменой одной формы произвола, беспорядочной и хаотической, другой, систематизированной и формально узаконенной. Весьма вероятно, что стеснения, которые «Современник» на каждом шагу встречал со стороны цензуры, в связи с отсутствием надежды на скорую перемену к лучшему, побудили Михаила Салтыкова опять поступить на службу, но в другое ведомство, менее прикосновенное к злобе дня.

В ноябре 1864 года он был назначен управляющим Пензенской казённой палатой, два года спустя переведён на ту же должность в Тулу, а в октябре 1867 года — в Рязань. Эти годы были временем его наименьшей литературной деятельности: в течение трёх лет (1865—1867) в печати появилась только одна его статья «Завещание моим детям» («Современник», 1866, № 1; перепечатанный в «Признаках времени»). Но его тяга к литературе оставалась, однако, прежней: как только «Отечественные записки» перешли (с 1 января 1868 года) под редакцию Некрасова, Михаил Салтыков стал одним из их самых усердных сотрудников, а в июне 1868 года окончательно покинул службу и занял должность одного из главных сотрудников и руководителей журнала, официальным редактором которого стал десять лет спустя, после смерти Некрасова.

Пока существовали «Отечественные записки», то есть до 1884 года, М. Е. Салтыков работал исключительно для них. Большая часть написанного им в это время вошла в состав следующих сборников: «Признаки времени» и «Письма из провинции» (1870, 1872, 1885), «История одного города» (1 и 2 изд. 1870; 3 изд. 1883), «Помпадуры и Помпадурши» (1873, 1877, 1882, 1886), «Господа Ташкентцы» (1873, 1881, 1885), «Дневник провинциала в Петербурге» (1873, 1881, 1885), «Благонамеренные речи» (1876, 1883), «В среде умеренности и аккуратности» (1878, 1881, 1885), «Господа Головлёвы» (1880, 1883), «Сборник» (1881, 1883), «Убежище Монрепо» (1880, 1882), «Круглый год» (1880, 1883), «Современная идиллия» (1877—1883), «За рубежом» (1880—1881), «Письма к тётьке» (1882), «Недоконченные беседы» (1885), «Пошехонские рассказы» (1886).

Сверх того в «Отечественных записках» были напечатаны в 1876 году «|Культурные люди» и «Итоги», при жизни Салтыкова не перепечатанные ни в одном из его сборников, но включённые в посмертное издание его сочинений. «Сказки», изданные особо в 1887 году, появлялись первоначально в «Отечественных записках», «Неделе», «Русских ведомостях» и «Сборнике литературного фонда». После запрета «Отечественных записок» Михаил Салтыков помещал свои произведения преимущественно в «Вестнике Европы»; отдельно «Пёстрые письма» и «Мелочи жизни» были изданы при жизни автора (1886 и 1887), «Пошехонская старина» — уже после его смерти, в 1890 году.

Здоровье Михаила Евграфовича, расшатанное ещё с половины 1870-х годов, было глубоко подорвано запретом «Отечественных записок». Впечатление, произведённое на него этим событием, изображено им самим с большой силой в одной из сказок («Приключение с Крамольниковым», который «однажды утром, проснувшись, совершенно явственно ощутил, что его нет») и в первом «Пёстром письме», начинающемся словами: «несколько месяцев тому назад я совершенно неожиданно лишился употребления языка».

Редакционной работой М. Е. Салтыков занимался неумоимо и страстно, живо принимая к сердцу всё, касающееся журнала. Окружённый людьми ему симпатичными и с ним солидарными, Салтыков чувствовал себя благодаря «Отечественным запискам» в постоянном общении с читателями, на постоянной, если можно так выразиться, службе у литературы, которую он так горячо любил и которой посвятил в «Круглом годе» такой чудный хвалебный гимн (письмо к сыну, написанное незадолго до смерти, оканчивается словами: «паче всего люби родную литературу и звание литератора предпочитай всякому другому»).

Незаменимой утратой был для него поэтому разрыв непосредственной связи между ним и публикой. Михаил Салтыков знал, что «читатель-друг» по-прежнему существует — но этот читатель «заробел, затерялся в толпе, и дознаться, где именно он находится, довольно трудно». Мысль об одиночестве, о «брошенности» удручает его всё больше и больше, обостряемая физическими страданиями и в свою очередь обостряющая их. «Болен я, — восклицает он в первой главе „Мелочей жизни“. Недуг впился в меня всеми когтями и не выпускает из них. Измождённое тело ничего не может ему противопоставить». Последние его годы были медленной агонией, но он не переставал писать, пока мог держать перо, и его

творчество оставалось до конца сильным и свободным: «Пошехонская старина» ни в чём не уступает его лучшим произведениям. Незадолго до смерти он начал новый труд, об основной мысли которого можно составить себе понятие уже по его заглавию: «Забытые слова» («Были, знаете, слова, — сказал Салтыков Н. К. Михайловскому незадолго до смерти, — ну, совесть, отечество, человечество, другие там ещё... А теперь потрудитесь-ка их поискать!.. Надо же напомнить!»..) Он умер от закупорки мозговых сосудов 28 апреля (10 мая) 1889 года и погребён 2 мая (14 мая), согласно его желанию, на Волковском кладбище, рядом с И. С. Тургеневым. В 1936 г. могила была перенесена на Литераторские мостки.

TL;DR

Напейсал наш сабж вот такую графоманию:

Романы:

1. История одного города (1869—1870) - Раскрытия типажа «Малолетний/Сказочный долбоеб» ещё 150 лет назад!(sic!)

2. Убежище Монрепо (1878—1879) - А это про типаж VIРов, которые прихватизировали лут. Но в силу того, что [руки росли из жопы](#), они просто приежали только повидать свою хату раз-два в месяц. Дело было так: После отмены крепостного права множество молодых образованных дворян скупает поместья, надеясь способствовать развитию России в эпоху реформ. К ним относится и Прогорелов, который, кроме того, надеется устроить в новом имении давно желаемый «родной уголок» и навсегда в нём уединиться. Своё поместье он после покупки называет Монрепо (от фр. *mon heros* — «мой покой»). За 15 лет Прогорелов из-за легкомыслия неумения и вести хозяйство запускает имение. Будучи не в силах вести хозяйство, он оставляет идею навсегда уединиться в Монрепо как в «родном приюте» и лишь периодически приезжает туда как на дачу. Спокойствие Прогорелова нарушает появление вышедшего из кулачества предпринимателя Разуваева, желающего купить Монрепо. Кроме того, Прогорелов интересуется станового Грацианова как политически неблагонадёжный.

Тебе всё-же стоит почитать, дорогой школьник.

Семья была дикая и нервная, отношения между членами её отличались какой-то звериной жестокостью, чуждой всяких тёплых родственных сторон; об этих отношениях можно отчасти судить по повести "Семейство Головлёвых", где Салтыков воспроизвёл некоторые типы своих родственников.

— [Белоголовый колян](#)

3. Господа Головлёвы (1875—1880) - повествует про [хикканов](#) и семейную [драму](#) из-за делёжки лута. Здесь будет детальный/подробный сказ на эту пейсанину: Владелица обширного имения Арина Петровна Головлёва узнала, что московский дом старшего сына Степана продан за долги на аукционе. Это известие возмутило барыню; чтобы решить судьбу непутёвого отпрыска, Арина Петровна решила собрать семейный совет с участием младших сыновей, которым было приказано немедленно прибыть в Головлёво.

Ошибка создания миниатюры: Даже родоки друг другу - враги!

На совете, напоминающем суд, Арина Петровна сообщила, что намерена отдать Степану вологодскую деревеньку. Однако после речей Порфирия Владимировича о том, что деревня будет промотана, барыня отменила собственный вердикт и оставила Степана в головлёвской усадьбе.

Старшему сыну была выделена холодная контора, в которой он сидел безвылазно. Вся его одежда состояла из отцовских заношенных туфель и его же старого халата; заботы матери сводились к тому, чтобы «постылый не умер с голоду». В один из дней Степан исчез. Беглеца нашли в полубесчувственном состоянии, вернули домой. С этого момента он начал угасать и зимой скончался.

Прошло десять лет. Некогда властная и самоуверенная Арина Петровна превратилась в приживалку в доме младшего сына. Муж её умер; имение барыня разделила, оставив Порфирию лучшую часть, а Павлу — ту, что похуже. Павел Владимирович, приняв у себя в Дубровине мать вместе с сиротами-племянниками, поставил условие: на его половину не ходить, в хозяйственные дела (которыми заправляла ключница Улита) не вмешиваться. Сам же Павел из-за склонности к выпивке скоро занемог. Узнав, что дни брата сочтены, в Дубровино немедленно выехал Порфирий Владимирович с сыновьями. Во время последнего разговора с Иудушкой умирающий Павел напомнил, что брат пустил мать по миру, назвал его кровопийцей и прогнал.

После смерти Павла Иудушка стал владельцем дубровинского имения. Не желая оставаться рядом со средним сыном, Арина Петровна вместе с внучками перебралась в их деревню Погорелку. Вскоре Аннинька и Любинька объявили, что не хотят жить в сельской местности, и уехали сначала в Москву, а затем в Харьков, где «поступили на сцену в театр». От одиночества Арина Петровна стала время от времени ездить в Головлёво и навещать Иудушку, который «вдруг перестал быть ненавистным».

Сам Порфирий Владимирович с годами потускнел, полинял. Его сын Владимир покончил с собой; со

вторым сыном, Петром, Иудушка изредка обменивался письмами. Когда же Пётр приехал в Головлёво, чтобы попросить взаймы 3000 рублей (он проиграл казённые деньги), то получил отказ. Для Арины Петровны, оказавшейся свидетельницей разговора отца и сына, это событие стало потрясением — она прокляла Иудушку и через месяц умерла в Погорелке. Следом ушёл из жизни Пётр, не добравшийся после суда до места ссылки.

Последним убежищем Иудушки стал кабинет, откуда он выходил всё реже и реже. Единственным его собеседником стала Аннинька, приехавшая после самоубийства сестры в Головлёво. В одну из мартовских ночей Порфирий Владимирович покинул дом и отправился на погост, чтобы навестить могилу матери. Окоченевший труп барина нашли неподалёку от деревни, где была похоронена Арина Петровна.

4. Современная идиллия (1877—1883) - раскрывает типажа «[Либераст](#)» и «[Квадратно-гнездовое мышление](#)». Главные герои — неназванный рассказчик и Глумов, петербургское небыдло. Сюжет начинается с того, что к ним заходит «Алексей Степаныч Молчалин» и говорит, что настают трудные времена, а потому «нужно погодить», то есть бросить не только всякую общественную и политическую деятельность, но и мысли, касающиеся вопросов политики и общества. На время «гожения» главные герои стараются говорить и думать только о еде, однако их находит сыщик Кшепщицкий, услышавший о двух либералах. Он приводит их в общество квартального надзирателя Ивана Тимофеича. На протяжении сюжета рассказчик и Глумов пытаются представить себя власти и обществу людьми «благонамеренными» (т.е. политически благонадёжными), в то же время помышляя о преступлениях и пытаясь сбежать от «гороховых пальто» и «любителей статистики». Сам автор сформулировал сюжет так: «Герои эти, под влиянием шкурного сохранения, пришли к убеждению, что только уголовная неблагонадежность может прикрыть и защитить человека от неблагонадежности политической, и согласно с этим поступают, то есть заводят подлые связи и совершают пошлые дела».

Ошибка создания миниатюры:
Про либерастов и КГСМ

5. Пошехонская старина (1887—1889) - Повествует о детстве пошехонского дворянина Никанора Затрапезного в эпоху крепостного права. Автор планировал написать и продолжение, рассказывающее о взрослении Затрапезного, однако каза болду в 1889 году. RIP.

Ошибка создания миниатюры:
Жаль не закончил. А как хорошо начиналось.

Сказки:

1. Дикий помещик (1869)
2. Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил (1869) - Да, да. 2 инфантила, которых содержал 1 [настоящий мужик](#). На деле показывает, как [Ылита](#) относится к быдлу.
3. «Пропала совесть» (1869)
4. Игрушечного дела людишки (1880)
5. Бедный волк (1883)
6. Премудрый пискарь (1883)
7. Самоотверженный заяц (1883)
8. Сказка о ретивом начальнике (1883)
9. Вяленая вобла (1884)
10. Добродетели и Пороки (1884)
11. Карась-идеалист (1884)
12. Медведь на воеводстве (1884)
13. Обманщик-газетчик и легковёрный читатель (1884)
14. Орёл-меценат (1884)
15. Баран-непомнящий (1885)
16. Верный Трезор (1885)
17. Дурак (1885)
18. Здравомысленный заяц (1885)
19. Кисель (1885)
20. Коняга (1885)
21. Либерал (1885)
22. Недреманное око (1885)
23. Богатырь (1886; запрещена, опубликована только в 1922 году)
24. Ворон-челобитчик (1886)
25. Праздный разговор (1886)
26. Приключение с Крамольниковым (1886)
27. Христова ночь
28. Рождественская сказка
29. Соседи
30. Деревенский пожар
31. Путём-дорогою
32. Годовщина
33. Чижиково горе (1884)

Повести и рассказы:

1. Противоречия
2. Глава

3. Запутанное дело
4. Яшенька
5. Невинные рассказы
6. Брусин
7. Благонамеренные речи (1872—1876)
8. Чужую беду — руками разведу (1877)
9. Добрая душа
10. Испорченные дети
11. Пошехонские рассказы (1883—1884)
12. По Сеньке и шапка
13. [Audiatur et altera pars](#)
14. В трактире «Грачи»
15. Пошехонские реформаторы
16. Пошехонское дело
17. Фантастическое отрезвление
18. Тихое пристанище
19. Мелочи жизни

Очерки:

1. Губернские очерки (1856—1857)
2. Сатиры в прозе
3. Помпадуры и помпадурши (1863—1874)
4. Господа ташкентцы (1873)
5. Господа Молчалины
6. Дневник провинциала в Петербурге (1872)
7. В больнице для умалишённых
8. За рубежом (1880—1881)
9. Недоконченные беседы
10. Письма к тётеньке

Пьесы:

1. Смерть Пазухина (1857, запрещена; поставлена в 1889)
2. Тени (1862—1865, не закончена, поставлена в 1914)

Прочее:

1. Овер 9000 стихотворений
2. Заметка о взаимных отношениях помещиков и крестьян (1858)
3. Письма о провинции (1868—1870)

Вот такая пейсота, анон.